

— Послушай меня.

Если история о поднебесной вольнице развернется на северо-западе, ты сгинеешь в бескрайних песках, откуда нет выхода. Встретишь самую свирепую песчаную бурю, пока пыль не забьет легкие, а ноги увязнут в желтом лессе — да так глубоко, что вовек не вытащить, и сам ты обратишься сухим деревом. Затеряешься в призрачном городе, став лишь зыбкой тенью под палящим солнцем. Твой путь пройдет мимо курганов, сложенных из ржавого оружия. Но там же ты встретишь дев со звонким, чистым смехом, вино, что обжигает горло до хрипа, лихих диких скакунов и красноречивых мужей, чьи мускулы, подобные древесным наростам, бугрятся на сильных предплечьях, а лица иссечены шрамами, словно вырезанными искусным резцом.

— Послушай меня.

Если дороги Цзянху приведут тебя на юг, в Цзяннань, ты встретишь самых голосистых лодочников — они поют без музыки, говорят нараспев, подхватывая чужие речи на лету, и одинаково искусно владеют и флейтой, и свирелью. А еще увидишь детей, способных переплыть любую глубь: их уши подобны плавникам, а кожа покрыта золотистой чешуей. Они шныряют у пристаней и под мостами, вечно прячась от грозного трехликого и шестирукого Нэчжа. Тамошние девы — словно чистейший белый нефрит в золотой оправе, словно узорный шелк тончайшей работы. Их руки... их голоса... их стихи... Стоит им взять в пальцы кисть, как они без промаха рассекают человеческую душу надвое, а стоит лишь подуть — и в мире больше не останется мужчин со стальной волей и каменным сердцем. Там ты увидишь семифутовый меч Рыбей Кишки, самые зеленые плакучие ивы и благородных, утонченных господ, а тоска расставания опутает ивовые ветви, заставляя их звенеть от малейшего дуновения ветра.

— Послушай меня.

Если пути приведут тебя в столицу, ты найдешь там самые алые подвенечные наряды, самых изящных актеров оперы, самое хмельное весеннее вино. Там царит надменность, затмевающая разум, величие, не терпящее равных, высочайшая слава и грезы о бессмертном имени. Золото там струится прямо по крышам дворцов. Но берегись, заклинаю тебя, берегись! В этом золотом сиянии скрываются самые коварные чиновники, самые безликие стражники, самые лютые пытки и невыносимая каторга. Там бродят забитые, покрытые грязью бедняки, тощие, как скелеты, оборванцы и разочарованные во всем рыцари, чья единственная мечта — сбежать прочь, в безмолвные пески.

— Послушай меня.

Если история начнется на самом юге — куда южнее тихих речных протоков Цзяннани, там, где ты переправишься через Янцзы, пересечешь Жемчужную реку и уйдешь безвозвратно... Не оборачивайся. Не бойся, просто смотри. Там ты встретишь коварных пиратов-вокоу, простодушных рыбаков и падших певичек, что ютятся в лачугах из человеческих костей. Они жгут свечи, заправленные трупным жиром, и день за днем оплакивают собственные угасшие души. Тебе придется взглянуть в самые темные бездонные глаза, столкнуться с самыми грозными волнами, испытать глубочайшей ненависти и упереться в непреодолимую границу

чужих земель.

— Послушай меня.

Если ты уйдешь в Великую пустыню, утренняя роса на пограничной заставе выпьет твою душу, а вечерний ветер унесет твое сердце. Ты потеряешь себя. С этого мига ты станешь убийцей, карающим разбойников с большой дороги и конокрадов. Или поджигателем, что дотла спалит рощу священных тополей. Ты до капли подчинишься воле своей возлюбленной и отправишься искать дерево без корней, колодец без воды, цветок без пестиков, солнце, встающее на западе, и багровую, обжигающую пальцы луну. И ты не сможешь не подчиниться! Ведь в ее объятиях скрыты отблески вечерней зари; она варит хмельную брагу и цедит крепкое пшеничное вино. Слышишь этот запах? Неужели это не аромат сладкого Чуского Вина? Только она способна подарить тебе спасительное беспмятство. Сколько раз в жизни человеку дано так забыться? Она залечит любые твои раны. Но когда ты стоишь, сжимая в одной руке иссиня-черный клинок, а в другой — полную вина тыкву-горлянку, когда в глазах твоих клубится ночной мрак, а одежды пропитаны чужой кровью... как сможешь ты поднести нежную ветвь горной магнолии святому отшельнику в далеком храме?

— Послушай меня...

— Не хочу я слушать, замолчи. Можешь рассказать о чем-то другом?

— Я умираю. И не стану говорить ни о чем ином, только об этом.

— Всё, о чем ты толкуешь — давно ушедшие времена. Прежний мир вольницы.

— Послушай меня...

<http://bllate.org/book/19697/1973405>